

**ПОЛОЖЕНИЕ
РЕЛИГИОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ХУДЖАНДА И ИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ
В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА
ВАЗЪИ МУАССИСАҶОИ ДИНИИ
ШАҲРИ ХУҶАНД ВА ХОДИМОНИ
ОНҶО ДАР СОЛҶОИ
20-30-ЮМИ АСРИ XX
THE SITUATION OF
RELIGIOUS INSTITUTIONS OF
KHUJAND AND THEIR FIGURES
IN THE 20-30 YEARS OF XX CENTURY**

Пулатова Адолатдҷон Исроиловна, к.и.н., преподаватель кафедры истории таджикского народа ГОУ «ХГУ имени акад. Б.Гафурова» (Таджикистан, Худжанд)

Пулатова Адолатҷон Исроиловна, н.и.т., муаллими кафедраи таърихи халқи тоҷики МДТ “ДДХ ба номи акад.Б.Гафуров” (Тоҷикистон, Хуҷанд)

Pulatova Adolatjon Isroilovna, candidate of historical sciences, lecturer of history of Tajik people department, SEI “KSU named after acad. B. Gafurov” (Tajikistan, Khujand),

E-mail: adolatjon@list.ru

Ключевые слова: религия, религиозные учреждения, мечеть, перевоплощение мечети, закрытие мечети, духовные лица, религиозные служители, чуждый элемент, политическое преследование мулл

В статье прослеживается отношение Советской власти в лице местных органов управления к религиозным учреждениям Худжанда и их служителям в 20-30-е годы XX века. Отмечается, что в этот период мечети, а также религиозные лица города подвергались всяческому притеснению. Социалистическое переустройство государства послужило тому, что на месте закрытых мечетей Худжанда оборудовались светские учреждения, а духовное сословие города теперь стало считаться «ненужными», «чуждыми», «враждебными» группами для государства. Таким образом, под давлением принятых властями жестких мер, большинство из существовавших религиозных учреждений Худжанда, а также их служители подверглись окончательной ликвидации.

Вожаҳои калидӣ: дин, муассисаҳои динӣ, масҷид, таҷдиди масҷид, маҳкамкунии масҷид, шахсони рӯҳонӣ, ходимони динӣ, унсури бегона, таъқиботи сиёсии муллоҳо

Дар мақола муносибати Ҳокимияти шӯравӣ дар симои муассисаҳои идораи маҳаллӣ нисбат ба муассисаҳои динии Хуҷанд ва ходимони онҳо дар солҳои 20-30-юми асри XX пайгирӣ карда мешавад. Қайд мегардад, ки дар ин давра масҷидҳо, инчунин шахсони рӯҳонии шаҳр ба таъқиботи гуногун гирифта шуданд. Хотирнишон мешавад, ки дар зери фишори чораҳои сахти қабулкардаи ҳукумат дар он солҳо, бисёре аз муассисаҳои динии мавҷудаи Хуҷанд ва инчунин ходимони онҳо пурра аз байн бурда шуданд.

Key words: religion, religious institutions, mosque, reincarnation of the mosque, closing of the mosque, clerics, religious figures, alien element, political persecution of mullahs

The article traces the attitude of the Soviet authorities in the face of local governments towards religious institutions of Khujand and their figures in the 20-30s of the XX century. It is noted that during this period the mosques, as well as the religious figures of the city, were subjected to all sorts of displacement. The socialist reorganization of the state led to the fact that secular institutions were equipped on the site of the closed mosques of Khujand, spiritual estate of the city now become and were considered «unnecessary», «alien», «hostile» groups for the state. Ultimately under the pressure of tough measures taken by the authorities, most of the existing religious institutions of Khujand, as well as their ministers, underwent final liquidation in these years.

С первых дней своего существования Советское государство и Коммунистическая партия всячески старались внедрить в сознание людей новую марксистско-ленинскую идеологию, отрицая прежнюю мораль, нравственность, связанную в первую очередь с религией, на традициях которой были воспитаны многие поколения. Религиозные книги были объявлены мифами и отвергнуты даже как культурные и исторические памятники прошлого. Чтобы не вызвать подозрения властей, местным жителям пришлось уничтожить религиозные книги, вследствие чего целые библиотеки, где хранились книги, написанные арабским шрифтом, были ликвидированы [3, с.136].

Народ таким способом был отторгнут от своей веками сложившейся духовной культуры. Чтобы ещё более ослабить влияние религии на население, отдельным декретом, принятым в

январе 1918 г., религия была отделена от государства [2,с.42]. На его основании все религиозные учреждения впредь лишались принадлежавшей им собственности, и, несмотря на то, что они долгое время служили важнейшей частью материального и духовного наследия прошлого, везде началось их массовое закрытие.

Необходимо отметить, что в первые десятилетия XX века в 146 махаллях Худжанда действовали 33 пятничные и 121 квартальная мечети [14]. Это говорит о том, что число мечетей превышало количество махаллей города, и, следовательно, некоторые из них имели две мечети.

Однако в связи с политикой нового государства на месте религиозных учреждений теперь создавались советские культурно-просветительские организации либо хозяйственно-складские помещения. Эти меры Советской власти были направлены на ослабление влияния религии на население строящегося социалистического государства. Так, например, в сентябре 1928 г. на собрании дехкан, состоявшемся в селе Ёва Ходжентского (ныне Бабаджангафуровского) района, его участники решили закрыть местную мечеть с медресе и оборудовать помещение под красную чайхану. В переоборудование самими дехканами были вложены материальные средства, и открытие чайханы состоялось 1 октября 1928 г. [4,с.413].

В 30-е годы активно шел процесс трансформации мечетей города в различные светские учреждения. Например, первое здание открывшегося в 1932 г. в Худжанде педагогического института представляло собой здание бывшей городской мечети [22]. Студенческое общежитие данного института также было расположено в бывшем доме известного ишана [12,с.198].

Другое перевоплощение мечетей осуществилось в 1933 г., в то время две мечети городского квартала Бешкапа одновременно были закреплены за курсантами межрайонных курсов по подготовке трактористов и бригадных механиков [15]. Такая же участь постигла мечеть Авротхона, известную жителям города как Масчиди Сурх, расположенную в одноименной махалле Раззакской части города. По словам жителя этой махалли Мухтора Бободжонова (1936 г.р.), в 30-е годы, после своего закрытия, данная мечеть была переоборудована под продовольственный магазин [23].

Во второй половине 30-х годов все еще существовавшие мечети города также были закрыты одна за другой, и впредь стали использоваться в качестве светских учреждений. Так, в 1939 г. одновременно десятки мечетей города, расположенные на улицах Розы Люксембург, Осоавиахима, Янгибазар, Чукурак и др., согласно постановлениям президиума Ленинабадского (в 1936 г. Худжанд был переименован в Ленинабад) горсовета, были переданы в распоряжение следующих ведомств: областной конторы «Главмясо», окрпотребсоюза, школы № 16, для оборудования клуба-читальни и спортзала, а также под Театр юного зрителя [16].

По воспоминаниям респондента Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.), в 30-е годы одна из мечетей квартала Чорбог была передана в пользование управлению горводопровода. Спустя годы мечеть восстановили, однако, управление горводопровода оставили здесь же, и теперь их разделяет только стена [25].

Другой наш респондент – Лутфинисо Назарова (1930 г.р.), вспоминает, что в 30-е годы в здании закрытой мечети, расположенной в махалле Чамбил села Унджи, местные жители начали выращивать коконы, и мечеть, таким образом, была превращена в своего рода цех. Другая мечеть, расположенная в махалле Раззак, после закрытия была переделана в детский дом [23с.27].

Таким путем, в период становления и дальнейшего существования социалистического государства, под предлогом того, что религиозные сооружения считались «оплотом для сплочения чуждых элементов» и «вредны» для построения социалистического общества, все они повсеместно закрывались, и на их местах образовывались угодные новому государству учреждения.

Должны отметить, что в 20-30-е годы приезжих из европейской и других частей СССР в первое время размещали в отчужденных и покинутых байских домах Худжанда. Однако в ходе полевых работ автор выяснил, что приезжих русских размещали также в опустевших городских мечетях. Так, по утверждению опрошенных информаторов: Монад Саидовой (1925 г.р.), Улмасой Дадобоевой (1924 г.р.), Бону Нуриддиновой (1933 г.р.), в 30-е годы в закрытых мечетях махаллей Гузари Охунд, Кози Лучакон и Чакари Чорчирок по распоряжению местных властей стало жить пришлое население, не исповедующее ислам [24,С.28-29].

Таким образом, Советской властью принимались всевозможные меры, направленные на вытравление из сознания местного населения религиозной веры, так как она препятствовала насаждению большевистской идеологии [8,91]. Под влиянием новой идеологии, с одной стороны, и боязнь быть преследованными, с другой, люди перестали соблюдать каноны своей религии. Такая тенденция сохранялась и придерживалась в течение многих лет.

Среди архивных документов сохранились протоколы общих собраний жителей кварталов «8 Марта» и «Хакикат» от 23 и 26 января 1939 г., где приводится их отказ от квартальных мечетей. Их ходатайство было удовлетворено городскими органами управления, и здания мечетей вскоре были переданы в ведение горсовета [19].

Или же другой документ, в виде письма, приводит просьбу Госсортфонда (государственный сортовой фонд), адресованную горсовету Ленинабада, для разрешения сноса мечети, находящейся в обветшалом состоянии по ул. Осавиахима, с целью перестройки её под заготпункт [17].

В результате принятых мер деятельность большинства мечетей Худжанда в 30-е годы была прекращена. Вследствие этого произошло разрушение махаллей как административной единицы управления, так как юридическим оформлением махалли являлась мечеть.

Что касается бывших служителей религиозных заведений – имамов, мулл, то большинство из них осталось не только без их основного занятия, но и всячески преследовалось властями, тем самым подвергаясь вытеснению, а затем и полному выселению за пределы постоянного места жительства. Со слов респондентов, отцы которых были муллами, Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.) и Гавхар Набиевой (1933 г.р.), во второй половине 30-х годов в Худжанде началось преследование религиозных служителей. Многие муллы по распоряжению Советской власти были арестованы и выселены в чужие края, откуда чаще всего не возвращались. Так, например, очевидец этих событий Гавхар Набиева (1933 г.р.), будучи ребенком, стала свидетелем, как её отца, муллу Саиднабихона, происходившего из знатного сословия «тўраҳо», арестовали и выслали в неизвестное место, откуда он уже не вернулся [25, с.26].

В 1929 г. Советское правительство в целях повсеместного устранения «неугодных» кадров разработало план проведения мероприятий под лозунгом «чистки рядов партии» от «чуждых элементов», вскоре приобретшей массовый характер. На его основании в феврале 1930 г. общее собрание партийно-профсоюзного актива Худжанда обязало партийные и профсоюзные организации города развернуть работу по подготовке общественного настроения к чистке советского аппарата [5, с.71].

В результате принятых мер в 30-е годы широко развернулась чистка среди членов партии во всех государственных учреждениях, и, следовательно, иметь родство с религиозным служителем само по себе являлось неким приговором. В каждом номере местной газеты одновременно в нескольких статьях сообщалось о разоблачении чуждых для Коммунистической партии элементов, особенно тех, чьи предки были представителями духовенства или сами прежде являлись духовными лицами. Всякая общественная или государственная деятельность таким категориям людей категорически запрещалась. В случае обнаружения родства работника госучреждения с религиозными служителями его моментально отчисляли без последующего права поступления в какое-либо государственное учреждение.

Должны заметить, что статьи «разоблачающего» характера в периодической печати 30-х годов, смысл которых заключался в последовательном преследовании «героев» публикаций, стали идеологическим обоснованием репрессий [7, с.218].

Таким образом, в 1931 г. в ходе проведения чистки в городской милиции было выявлено не соответствующее Советскому государству социальное происхождение нескольких сотрудников данного органа, в том числе старшего милиционера Хабиба Мирмуллоева, оказавшегося сыном муллы, которого уже давно не было в живых. Однако, несмотря на это, Хабиб Мирмуллаев, согласно постановлению комиссии по чистке сотрудников городской милиции, был исключен из её рядов [20].

Или в очередной статье в газете «Рабочий Ходжента» за № 23 от 11 июля 1934 г. сообщается, что при активной помощи беспартийных, комиссии по чистке сотрудников городского финансового отдела удалось разоблачить ряд чуждых элементов, состоявших в тот момент в штате горфинотдела. К их числу был отнесен Ихсан Ходжаев, сын муллы, который ранее получал от отца в наследство 21 танап земли [10].

Или же Олими Дадо, который вел деятельность преподавателя общеобразовательных дисциплин и заведующего учебной частью подготовительного отделения медучкомбината города, в 1938 г. находился под стражей в Ленинабадском исправтруддome с обвинительным приговором в национализме, за то, что являлся сыном мударриса [18].

Исходя из всего этого, можно говорить об использовании Советским государством широкого комплекса мер социально-правовой дискриминации определенных категорий населения –

бывших состоятельных, влиятельных и почитаемых духовных лиц. Помимо того, что названная категория населения лишалась всего материального состояния, этим людям также запрещалась всякая кооперация, включая членство в коллективных хозяйствах, а также они были лишены всех гражданских, конституционных и, в первую очередь, избирательных прав [11,161].

Так, согласно внедренному закону «О лишении избирательного права», лица, использующие наемный труд для извлечения прибыли: торговцы, перекупщики, ростовщики, владельцы промышленных предприятий, и лица, живущие на неопределенные доходы, лишались всяких избирательных прав [9,224]. К числу «лишенцев» входили также служители религиозных заведений, для которых их занятие являлось профессией [5,49].

Кроме того, следует отметить, что в процессе лишения прав местного населения были зафиксированы и случаи, когда средняки или бедняки лишались избирательного права за посещение мечети и т.д. [5,56].

Необходимо подчеркнуть, что самой жестокой из карательных мер, введенных Советским государством по отношению к «чуждой группе» населения, являлась политика раскулачивания, сопровождавшаяся репрессивными мерами. Понятие «раскулачивание» – научное, историческое, означающее социально-политические и экономические репрессии Советской власти против зажиточного населения. По установленному государством положению наравне с зажиточными людьми первыми кандидатами на высылку считались также религиозные деятели [1,254].

Что касается мест ссылки раскулаченных из Худжанда, то их в большинстве случаев составляли пустынные, вновь осваиваемые земли Симхоса в Дильварзинской степи, Тагояка в Науском районе и другие места. Имели место частые случаи, когда раскулаченных из города и окружающих селений отправляли в далекие чужие края – на Кавказ [22]. Этими предпринятыми суровыми мерами Советское государство обрекало их на голодную смерть.

Так, например, Мухиддин Ходжазод, современный писатель, который родился в местах для спецпоселения (в 1938 г.) и испытал на себе все тяготы суровой политики раскулачивания, рассказывает, что в 1931 году его отца Олимхона Махсума, мударриса худжандского медресе Намозго, вместе с другими раскулаченными из Средней Азии выслали на Кавказ [27].

Такое негативное отношение к тем, кто ранее принадлежал к состоятельному либо религиозному сословию, вынуждало большинство из них оставить прежнее место жительства и перебраться в другие районы, где о них знали мало и где они не могли стать объектом чьей-либо неприязни [1,254]. Так, со слов Нажмиддина Мансурова (1924 г.р.), его отец, мулла Мансур, выпускник бухарского медресе, в 30-е годы, когда всюду в стране шло политическое преследование религиозных лиц, опасаясь быть в числе раскулаченных, оставил дом в Худжанде и переехал с семьей в Пролетарский (ныне Джабборасуловский) район [22].

Таким образом, религиозные служители, торговцы, землевладельцы и прочие влиятельные и состоятельные группы населения Худжанда поневоле оказались в числе осужденных, которым пришлось испытать все тяготы репрессивной политики государства.

Однако должны заметить, что, несмотря на все трудности и потери, с которыми приходилось сталкиваться раскулаченным худжандцам, многие из них, преодолев все тяготы каторжной жизни, в дальнейшем все же смогли показать себя с лучшей стороны.

Все это говорит о том, что в истории Советского государства, помимо триумфа и фанфар, к сожалению, имели место грубейшие ошибки, особенно по отношению к судьбам людей. К их числу можно отнести репрессивную политику раскулачивания, послужившую не столько ликвидации класса, сколько ликвидации людей [6,85].

Таким образом, необходимо отметить, что 20-30-е годы XX века оказались временем глобальных перемен в жизни всего социалистического общества. Для новой государственности религия стала считаться пережитком прошлого, и, соответственно, властями принимались все радикальные меры, чтобы отчуждать её от верующего населения. Показательное закрытие мечетей Худжанда и на их местах оборудование светских учреждений в исследуемый период – подтверждение этих слов. Социалистическое государственное переустройство, несомненно, коснулось и духовного сословия, так как для подстраиваемого под него нового общества не было места духовенству, как и многим социальным группам, которые теперь стали считаться «ненужными», «чуждыми», «враждебными» государству.

Исходя из этого нужно заметить, что в годы репрессивной политики 30-х годов немалое количество представителей духовенства Худжанда понесли колоссальные потери в лице просвещенных и образованных духовных лиц, которые могли быть гораздо полезнее для своей родины. Но в силу того, что многие из них не были своевременно по достоинству оценены

государством, даже их потомки в будущем несправедливо носили пожизненное позорное клеймо «кулак», «кулакбача (сын кулака)».

Следует отметить, что, к сожалению, изучению данного вопроса до сегодняшнего дня не было уделено достаточное внимание. Однако очевидцы, свидетели и жертвы событий исследуемого периода и их потомки до сих пор ищут истину и правду в рутине всех событий данного периода, так как до недавнего времени об этих явлениях было запрещено говорить открыто. Автором статьи по мере возможности были приняты все имеющиеся возможности для освящения этого вопроса в данной публикации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашин, С. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией / С. Абашин. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 848 с.
2. Алексеев, В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – Москва: Политиздат, 1991. – 400 с.
3. Бакстон, Ч. Гражданское общество в Центральной Азии: преодолевая кризисы постсоветского периода / Ч. Бакстон. – Бишкек: V.R.S.Company, 2017. – 274 с.
4. Из истории культурного строительства в Таджикистане в 1924-1941 гг. (Сборник документов и материалов). – Душанбе: Ирфон, 1966. – Т. 1. – 672 с.
5. Искандаров, М. Из истории советского строительства в Таджикистане (1924-1929) / М. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1983. – 228 с.
6. Караман, В.Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Караман. – Владивосток, 2009. – 267 с.
7. Крайник Р.Н. Особенности политических репрессий против рабочих промышленности юга УССР в 1938 г. / Р.Н. Крайник // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 213-223.
8. Магомедсалихов, Х.Г. Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20-30-х гг. XX века / Х.Г. Магомедсалихов, Я.М. Ханмагомедов // Исламоведение. – 2012. – № 3. – С. 85-92.
9. Материалҳо оид ба таърихи халқи тоҷик (давраи советӣ (Материалы по истории таджикского народа). – Сталинобод, 1957. – 320 с. (на тадж. яз.)
10. При активном участии беспартийных... // Рабочий Ходжента. – 1934. – № 23. – 11 июля.
11. Хайдаров, Г.Х. История таджикского народа: XX век / Г.Х. Хайдаров. – Худжанд, 2001. – 508 с.
12. Хайдаров Г.Х. Былое и думы (Из воспоминаний) / Г.Х. Хайдаров. – Худжанд, 2004. – 465 с.
13. Хочазод, М. Ормон (Надежда) / М. Хочазод // Садои Шарк. – 2018. – № 10. – С. 3-38. (на тадж. яз.)
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Стахановец. – 1940. – № 5. – 1 мая.

I. Архивные материалы:

15. Государственный архив Согдийской области (ГАСО), Ф. 82, оп. 4, д. 19, л. 174.
16. ГАСО, Ф. 82, оп. 4, д. 49, лл. 84, 129; Ф. 82, оп. 4, д. 147, лл. 108, 146, 193.
17. ГАСО, Ф. 82, оп. 4, д. 147, л. 146.
18. ГАСО, Ф. 163, оп. 3, д. 255, л. 80.
19. ГАСО, Ф. 163, оп. 3, д. 414, л. 212.
20. ГАСО, Ф. 170, оп. 1, д. 1, л. 1.
21. ГАСО, Ф. 532, оп. 5, д. 81, лл. 68, 69.
22. Записи из музея ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

II. Список респондентов:

23. Бободжонов Мухтор, 1936 г.р., житель махалли Масджиди Сурх г. Худжанда. Дадобоева Улмасой, 1924 г.р., жительница махалли Кози лучакон г. Худжанда.
24. Мансуров Нажмиддин, 1924 г.р., житель махалли Себзор г. Худжанда.
25. Набиева Гавхар, 1933 г.р., жительница махалли Раззок г. Худжанда.
26. Назарова Лутфинисо, 1930 г.р., жительница села Унджи Бабаджангафуровского района.
27. Нуриддинова Бону, 1933 г.р., жительница махалли Чорчирок г. Худжанда.
28. Саидова Монад, 1925 г.р., жительница махалли Гузари охун г. Худжанда.
29. Ходжазод Мухиддин, 1938 г.р., житель махалли Сугдиён г. Худжанда.

REFERENCES:

1. Abashin S. Soviet village. Between colonialism and modernization. – Moscow: New literary review, 2015. – 848 p.
2. Alekseev V.A. Illusions and dogmas. – Moscow: Politizdat, 1991. – 400 p.
3. Bakston Ch. Civil society in Central Asia: overcoming the crises of the post soviet period. – Bishkek: V.R.S. Company, 2017. – 274 p.
4. From history culture construction in the Tajikistan in 1924-1941 year. (Collection of documents and materials). - Dushanbe: Irfon, 1966. – V. 1. – 672 p.
5. Iskandarov M. From the history of Soviet construction in Tajikistan (1924-1929). - Dushanbe: Donish, 1983. – 228 p.
6. Karaman V.N. Political repressions against the peasantry in the Far East of the USSR in the 20-30 ye3ars of XX century: dis. ... cand.hist. sciences.–Vladivostok, 2009. – 267 p.
7. Krainik R.N. Features of political repressions against industrial workers in the south of the Ukrainian SSR in 1938 // Problems of the history of mass political repressions in the USSR. To the 70th Anniversary of the All-Union population census of 1939: Proceedings of the VI International Conference. – Krasnodar: Ecoinvest, 2010. – P. 213-223.
8. Magomedsalikhov K.G., Khanmagomedov Y.M. Relation repressions of the muslim clergy in Dagestan in the 20-30 years of XX century // Islamic studies. - 2012. – No. 3. – P. 85-92.
9. Materials on the history of the Tajik people. – Stalinabad, 1957. – 320 p.
10. With the active participation of non-party people...// Worker Khujand. – No. 23. – July 11th.
11. Khaidarov G.K. History of the Tajik people: XX century. – Khujand, 2001. – 508 p.
12. Khaidarov G.K. Past and thoughts (From memories). – Khujand, 2004. – 465 p.
13. Khojazod M. Hope // Sadoi shark. – 2018. – No. 10. – P. 3-38.
14. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron // Stakhanovets. – 1940. – No 5. – 1st of May.

I. Archival materials:

15. State Archive of Sughd Region (SASR), fund 82, inventory 4, dossiers 19, sheet 174.
16. SASV, fund 82, inventory 4, dossiers 49, sheet 84,129; fund 82, inventory 4, dossiers 147, sheet 108,146,193.
17. SASR, fund 82, inventory 4, dossiers 147, sheet 146.
18. SASR, fund 163, inventory 3, dossiers 255, sheet 80.
19. SASR, fund 163, inventory 3, dossiers 414, sheet 212.
20. SASR, fund 170, inventory 1, dossiers 1, sheet 1.
21. SASR, fund 532, inventory 5, dossiers 81, sheet 68,69.
22. Records from the museum of the State Educational Institution «Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov».

II. List of respondents:

23. Bobojonov Mukhtor, b. 1936, resident of Masjidi Surkh mahalla, Khujand.
24. Dadoboeva Ulmasoy, b. 1924, resident of Kozy luchacon mahalla, Khujand.
25. Mansurov Najmidin, b. 1924, resident of Sebzor mahalla, Khujand.
26. Nabieva Gavhar, b. 1933, resident of Razok mahalla, Khujand.
27. Nazarova Lutfiniso, b. 1930, resident of Unji villages, Babajan Gafurov district.
28. Nuridinova Bonu, b. 1933, resident of Chorchirok mahalla, Khujand.
29. Saidova Monad, b. 1925, resident of Guzari Okhun mahalla, Khujand.
30. Khojazod Mukhidin, b. 1938, resident of Sugdion mahalla, Khujand.